

А.Л. Никифоров

Смысл языковых выражений и знание*

Основная идея, которая обосновывается в данной статье, проста: смысл, которым пренебрегала логическая семантика в своем анализе языка, является воплощением знания, и рост нашего знания выражается в обогащении смыслов понятий, терминов, слов, короче, языковых выражений.

1. Понятие смысла в логической семантике

Не будет большим преувеличением сказать, что развитие логической семантики в XX столетии в значительной мере опиралось на идеи Готтлоба Фреге. Именно он сформулировал семантическую концепцию, которую затем критиковали, уточняли и улучшали Б. Рассел и Л. Витгенштейн, А. Тарский и Р. Карнап, А. Черч, У. Куайн и многие другие логики и философы. Поэтому важно представить основные черты и особенности подхода Фреге к анализу языковых выражений.

Как известно, субъектно-предикатную структуру простого предложения традиционной логики Фреге представляет в виде аргумента и функции: «Я исхожу из того, что в математике называется функцией»¹. Рассматривая различные функциональные выражения типа « $x + 1$ », « $2 : x^3 + x$ », Фреге говорит о том, что функция –

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 09-03-00624а.

это то, что сохраняется в выражении после вычета переменной « x », вместо которой можно оставить просто пустое место: « $() + 1$ », « $2 : ()^3 + ()$ ». Такая форма представления показывает, что «функцию саму по себе можно назвать незавершенной, нуждающейся в восполнении или ненасыщенной. Этим функции коренным образом отличаются от числа»². После того, как пустые места в выражении функции заполняются аргументами, функция получает определенное значение. В качестве аргументов арифметических функций выступают числа, и значением функционального выражения является либо число, либо то, что Фреге называет «пробегом значений функции», т. е. некоторое множество (ряд) чисел.

Фреге расширяет представление о функциях, выходя за пределы арифметики, и понятие, в котором традиционная логика видела форму мысли, также рассматривает как некоторую функцию, т. е. как ненасыщенное выражение. Например, понятия «город», «лошадь», «человек» он представляет в виде: «город (x)», «лошадь (x)», «человек (x)». При подстановке на место переменной « x » имен каких-то предметов мы получаем предложение: «Берлин есть город», «Пегас есть лошадь», «Монблан есть человек». Всякое предложение, полагает Фреге, истинно или ложно, поэтому понятие это такая функция, которая при заполнении пустых мест аргументами превращается в истину или ложь, т. е. «понятие есть функция, значение которой есть всегда какое-то истинностное значение»³. В арифметических функциях в качестве аргументов и значений выступали числа. Когда речь идет о понятиях, аргументами и значениями становятся предметы. Что же такое предмет?

«Когда мы подобным образом без каких-либо ограничений допускаем предметы в качестве аргументов и значений функций, сразу возникает вопрос, что же мы называем предметом. Дефиницию школьного образца я считаю здесь невозможной, так как тут мы имеем дело с тем, что в силу своей простоты не допускает логического анализа. Возможно лишь указать, что имеется в виду. А здесь можно только кратко сказать: предметом является все то, что не есть функция и, стало быть, выражение, которое его означает, не предполагает никаких пустых мест.

Утвердительно-повествовательное предложение не содержит пустых мест, и поэтому на его значение надлежит смотреть как на предмет. Но это значение есть истинностное значение. Стало

быть, оба истинностных значения суть предметы»⁴. Иначе говоря, предмет есть то, что обозначается выражением, не содержащим пустых мест. Здесь следует обратить внимание на то, что понятие и предмет Фреге определяет исходя из вида их языкового представления: понятие есть то, что обозначается функциональным выражением, содержащим пустые места; предмет есть то, что обозначается выражением, не содержащим пустых мест. После заполнения пустых мест именами предметов понятие превращается в предложение.

Поскольку о предметах Фреге говорить не хочет, то и имя предмета ничего не говорит о нем, оно прикрепляется к предмету просто как ярлык, метка, как знак, заместитель предмета. Такие имена Фреге называет «собственными именами». Это, прежде всего, те языковые выражения, которые и в естественном языке употребляются в качестве собственных имен – «Цезарь», «Сократ», «Луна» и т. п. Но к числу собственных имен Фреге относит и выражения иного рода, если они обозначают единственный предмет – «покоритель Галлии», «учитель Платона», «естественный спутник Земли». «...Под «знаком» и «именем», – писал он, – я понимаю любое обозначение, представляющее собою собственное имя, чьим значением, стало быть, является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова), но не понятие и не отношение... Обозначение единичного предмета может также состоять из нескольких слов или других знаков. Пусть каждое такое обозначение для краткости носит название собственного имени»⁵. Заметим, что выражения: «Аристотель», «ученик Платона», «учитель Александра Македонского», – все, с точки зрения Фреге, будут собственными именами.

Традиционная логика говорила о понятии как о форме мысли, имеющей объем и содержание. Объем понятия – предмет или совокупность предметов, подпадающих под данное понятие, содержание понятия – совокупность существенных признаков тех предметов, которые входят в его объем. Теперь слова и словосочетания, выражающие понятия, Фреге разделяет на две группы – имена собственные и выражения функций. «Аристотель» и «ученик Платона» – это имена, а «философ» и «ученик» – это обозначения функций. Первые выражения не содержат пустых мест, а вторые следует писать так: «философ (x)», «ученик (x)».

Каждое имя – обозначение предмета, функция или предложение – по аналогии с объемом и содержанием традиционной логики – имеет, согласно Фреге, смысл и значение. Смыслом предложения является выражаемая им мысль, его значением является истина или ложь; смыслом функционального выражения является функция, его значением будет предмет или совокупность предметов. Значением собственного имени является обозначаемый им предмет. Но что является смыслом собственного имени?

Кажется, что собственные имена у Фреге не должны иметь никакого смысла. Знаки чисел «3», «7», «10» непосредственно обозначают соответствующие числа 3, 7, 10 и никакой смысл им не нужен для этого обозначения. Но точно так же собственные имена «Луна», «Платон», «Венера» (планета) прямо относятся к обозначаемым объектам и никакого смысла в них нет. Когда я кому-то даю имя, скажем, «Петр», то с этим именем я не связываю никакого смысла, это – просто знак, позволяющий мне говорить о данном объекте и отличать его от иных объектов. Тем не менее, Фреге все-таки говорит о смысле собственных имен.

К этому его вынуждает рассмотрение утверждений о тождестве. Возьмем три разных выражения: «Венера» (планета), «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда». Все они обозначают один и тот же объект – планету Венера, т. е. являются собственными именами. Но почему, спрашивает Фреге, утверждение «Утренняя звезда есть Утренняя звезда» тривиально и не несет никакой информации, а утверждение «Утренняя звезда есть Вечерняя звезда» сообщает о важном астрономическом факте и является результатом эмпирического открытия? – Потому, отвечает он, что хотя выражения «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обозначают один и тот же объект, они обладают разным смыслом: «Напрашивается мысль связать с каждым знаком (именем, словесным оборотом, письменным знаком), помимо обозначаемого – его мы будем называть значением знака, – также и то, что я назвал бы смыслом знака и в чем выражается *конкретный способ задания обозначаемого*... Выражения «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» имеют одно и то же значение, но отнюдь не одинаковый смысл» (курсив мой. – А.Н.)⁶.

Заметим, что под смыслом некоторого имени Фреге понимает «конкретный способ задания обозначаемого» им предмета. Встречая имя, мы понимаем его смысл и узнаем, какой объект

обозначает это имя. Разные имена одного и того же объекта по-разному указывают на него или, как говорит Фреге, «освещают» его с разных сторон.

Итак, смыслом имени является конкретный способ указания на обозначаемый им объект; смыслом предложения – выражаемая им мысль; смыслом функционального выражения (понятия) – незаконченная, «ненасыщенная» мысль.

Для нас в данном случае существенно то, что самой важной функцией языковых выражений для Фреге является функция обозначения – имена, функциональные выражения, предложения что-то обозначают и, поэтому, являются именами. Понятие смысла, вообще говоря, ему нужно только для предложений и функциональных выражений, а для собственных имен он вводит его только для того, чтобы как-то объяснить наличие нескольких имен у одного объекта. Смыслом предложения является мысль, его значением – истина или ложь. Все истинные предложения являются именами одного предмета – истины. Для предложений смысл важен: разные мысли, выражаемые ими, по-разному указывают на один и тот же объект – истину. Смысл важен и для функциональных выражений: разные функции по-разному могут указывать на один и тот же объект, например, « $2x$ » и « $x + x$ » имеют один и тот же «пробег значений», но отличаются по смыслу или по способу задания этих значений. Тем не менее, Фреге настойчиво подчеркивает, что сами по себе мысли и функции не важны, их роль сводится только к указанию на объект, на значение. – «Мысль теряет для нас ценность, – пишет он, – как только мы узнаем, что у какой-либо из ее частей отсутствует значение. Таким образом мы имеем, пожалуй, полное право не удовлетворяться смыслом предложения, но ставить также вопрос о его значении... Почему мысль не удовлетворяет нас? Потому и постольку, почему и поскольку для нас важно истинностное значение мысли... Итак, стремление к истине – вот что всегда побуждает нас к переходу от смысла к значению»⁷. И в другом месте: «для логики важен не смысл, а значение слов»⁸.

Следует заметить также, что существование предметов, предметной области Фреге просто постулирует. Предметы даны, как даны натуральные числа, они есть, мы просто присваиваем им имена. Но с философской точки зрения это допущение способно вызывать сомнения. И Фреге это чувствует: «Со стороны идеали-

стов или скептиков, – замечает он мимоходом, – наши рассуждения, вероятно, уже давно встретили такого рода возражение: «Ты говоришь здесь без дальнейших околичностей о Луне как некотором предмете; но откуда ты знаешь, что имя «Луна» вообще имеет значение, откуда ты знаешь, что вообще что-либо имеет значение?». На это я отвечаю: наша задача состоит не в том, чтобы сказать нечто о нашем представлении о Луне; и мы не довольствуемся смыслом, когда говорим «Луна», – мы предполагаем значение... Мы, конечно, можем заблуждаться в нашем предположении, и такие ошибки встречаются. Но вопрос о том, не ошибаемся ли мы всегда в этом предположении, может быть оставлен здесь без ответа; достаточно указать на намерение, которое руководило нами во время речи или мышления, чтобы иметь право говорить о значении знака, хотя и с оговоркой: если таковое имеется»⁹. Таким образом, вопрос о том, что представляют собой предметы, существуют ли они, Фреге не обсуждает.

Понятие смысла тоже остается у него в значительной мере неясным. Смысл знака – это способ указания на обозначаемый знаком предмет. Но что это за способ, откуда он берется? Зависит ли он от предмета или является чистым изобретением субъекта? Поскольку Фреге ничего не говорит о предметах, постольку вряд ли можно что-то сказать о связи предмета со смыслом обозначающего его имени. Однако какие-то намеки на эту связь у Фреге есть: «Значение собственного имени – это сам предмет, обозначенный этим именем; представление, которое при этом у нас возникает, вполне субъективно; между значением и представлением можно поместить смысл, который, в отличие от представления, хотя и не является субъективным, все же не есть сам предмет. Быть может, следующее сравнение поможет сделать более ясными эти отношения. Предположим, некто смотрит на Луну в телескоп. Саму Луну можно сравнить со значением; она является предметом наблюдения, которое опосредовано реальным образом, возникающим внутри телескопа благодаря преломлению лучей в объективе, а также образом, возникающим на сетчатке глаза наблюдателя. Первый я сравниваю со смыслом, второй с представлением или восприятием»¹⁰. Это рассуждение показывает, кажется, что смысл определяется предметом: ясно, что образ внутри телескопа зависит от особенностей рассматриваемого предмета, в данном случае – от осо-

бенностей Луны. Однако эту мысль Фреге не развивает, да и не мог бы развить. Для того чтобы говорить о связи смысла и предмета, ему нужно было бы сказать, что собой представляют предметы, а об этом, как мы видели, он говорить не хочет.

Наконец, хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Во-первых, Фреге приписывает смысл собственным именам типа «Венера», «Платон», «Луна». Однако вполне допустимо предполагать, что они никаким смыслом обладать не могут. Если смысл – это способ указания на предмет, обозначаемый именем, то собственные имена не выражают такого способа. Мы не знаем, к какому предмету относится имя, если нам известно *только* имя. В самом слове, знаке нет никакой информации о том, какой предмет им обозначается. Когда я произношу слово «Венера», то нельзя из самого этого слова понять, к какому предмету оно относится – к римской богине, ко второй планете Солнечной системы или к моей соседке по даче. Если бы Фреге был последователен, то он должен был бы сказать, что собственное имя есть не более чем значок, который мы прикрепляем к предмету и который можем произвольно заменять.

Возможно, его подвело то обстоятельство, что к собственным именам он отнес также описательные выражения типа «Утренняя звезда», «ученик Платона» и т. п. Эти выражения действительно обладают смыслом, понимая который мы иногда способны узнать, к какому объекту они относятся. Однако такого рода выражения являются скорее ненасыщенными функциями, а не собственными именами: «Утренняя звезда (x)», «ученик Платона (x)». Как функция « $x + 3 = 5$ » указывает на число 2, подстановка которого на место x делает это равенство истинным, так и функция «Утренняя звезда (x)» указывает на планету Венера, подстановка имени которой на место x делает истинным предложение «Венера есть Утренняя звезда». Более того, выражения вида «ученик Платона» способны указывать не на один единственный, а на множество объектов (естественно предположить, что помимо Аристотеля у Платона были и другие ученики).

Таким образом, напрашивается мысль о том, что подлинные собственные имена следует отличать от описательных имен: первые действительно являются простыми знаками предметов, а вторые выражают некоторые функции, понятия, их следует относить к

функциональным выражениям. Тогда различие между тождествами «Утренняя звезда есть Утренняя звезда» и «Утренняя звезда есть Вечерняя звезда» объясняется не тем, что используемые выражения обладают разным смыслом, а тем, что первое предложение говорит о тождественности функции «Утренняя звезда» самой себе, а второе предложение говорит о тождестве значений двух разных функций. Отличие от того, что говорит Фреге, кажется не слишком большим, но оно позволяет нам сказать, что подлинные собственные имена у Фреге лишены смысла.

Высказанные соображения вовсе не претендуют на адекватную реконструкцию семантических идей Фреге, тем более, на какую-то их критику. Фреге решал собственные задачи и решил их чрезвычайно успешно. Он создал вполне последовательную и в значительной мере ясную семантическую теорию, которая до сих пор продолжает оставаться ядром логико-семантического анализа, несмотря на всю последующую критику. Да, он оставил в стороне вопрос о природе предметов. Главным для него было отношение обозначения, а понятие смысла играло в его построениях второстепенную роль. Может быть, особенности его подхода к анализу языковых выражений в какой-то мере объясняются тем, что он имел перед глазами язык арифметики и формализованный язык логики? А для этих языков, по крайней мере, в то время было достаточно экстенционального рассмотрения и понятие смысла действительно могло казаться излишним. Это и выявилось в ходе дальнейшего развития логической семантики.

Различие между подлинными собственными именами и описательными выражениями стало предметом анализа Б. Рассела. Фреге все языковые выражения рассматривает как обозначения каких-то предметов или их множеств. Открыв свой знаменитый парадокс, Рассел обнаружил, в частности, что выражение «множество всех множеств, не содержащих самих себя в качестве собственных элементов», противоречиво, т. е. нет предмета, который оно обозначает. Это выражение аналогично выражениям «круглый квадрат» или «деревянное железо», которые кажутся именами каких-то предметов, но на самом деле ничего не обозначают. И он поставил перед собой задачу отделить подлинные имена, обозначающие реальные объекты, от пустых, т. е. ничего не обозначающих, псевдоимен.

Он вводит различие между «знанием по знакомству» и «знанием по описанию»: «Различие между *знакомством* и *знанием* о есть различие между вещами, о которых мы имеем представление, и вещами, достигаемыми нами только посредством обозначающих фраз»¹¹. Рассел достаточно неопределенно говорит об этом различии, но, насколько можно понять, дело обстоит следующим образом. Если мы имели чувственное восприятие некоторого объекта и дали ему имя, то это имя является подлинным именем собственным и оно имеет значение. Но когда мы знакомы с объектом только по описанию и не имели с ним контакта с помощью органов чувств, то выражение, которое ссылается на этот объект, является не именем, а только «дескрипцией», содержащей некоторую характеристику, черту объекта. В сущности, это то, что выше мы истолковали как функцию: «Платон» – это подлинное имя; «ученик Платона» или «жена Платона» – это функции, которые могут и не иметь значения.

Когда мы имеем дело с собственным именем, то обозначаемый им объект действительно существует и у этого имени имеется значение. Но когда мы встречаем дескрипцию, то далеко не всегда существует объект, обладающий указанной в ней характеристикой. Скажем, Георг IV – это собственное имя реально существующего человека и этот человек является значением имени. Но выражение «нынешний король Англии» является не именем, а дескрипцией, и вполне может случиться так, что это выражение лишено значения, как это будет с совершенно аналогичным выражением «нынешний король Франции». Для того чтобы использовать дескрипцию в качестве собственного имени, нужно, говорит Рассел, доказать, что существует объект, обладающий соответствующей характеристикой, и что этот объект является единственным. – «Таким образом, – пишет он, – если «С» является обозначающей фразой, может случиться так, что существует одна сущность x (больше одной быть не может), для которой пропозиция « x тождествен С» является истинной... Мы можем тогда сказать, что сущность x является значением фразы «С». Таким образом, Скотт является значением «автор *Уэверли*». «С», заключенное в кавычки, будет просто *фразой*, и нет ничего такого, что можно было бы назвать *смыслом*. Эта фраза *per se* не имеет значения, потому что любая пропозиция, в которой она встречается, будучи полностью выраженной, не содержит этой фразы, которая разлагается»¹².

Нам нет нужды углубляться в теорию дескрипций Рассела, тем более, что она хорошо известна. Для нас в данном случае важно лишь одно. Кажется, что собственные имена Рассел с помощью чувственного восприятия непосредственно связывает с объектами. Собственным именам смысл не нужен, ибо значение их гарантируется «непосредственным знакомством». Дескрипции либо сводятся к собственным именам, либо устраняются – в обоих случаях они также не имеют смысла. Понятие смысла для Рассела оказывается излишним – оно никак не влияет на наличие или отсутствие значения. У Фреге каждое языковое выражение имело смысл и значение. У Рассела не только имена, но и дескрипции лишаются смысла. – «Теория дескрипций Рассела, – пишет швейцарский философ Г.Кюнг, – исключает смыслы, или значения, в качестве области, промежуточной между словами и их десигнатами, что оказало далеко идущее влияние на развитие современной философии. Внимание исследователей стало концентрироваться на теории референции, а изучение смысла на первых порах было заброшено»¹³. Но не только «на первых порах». В своей книге Кюнг подробно показывает, как благодаря трудам Рассела, Витгенштейна, Тарского, Карнапа и других трехчленная семантика Фреге постепенно преобразовывалась в двучленную семантику. Констатируя положение дел, сложившееся в этой области к середине XX в., он отмечает: «В то время как традиция в своей семантике различает три вида вещей: знаки, объективное значение и обозначаемое, – большинство современных логиков пользуется в отношении слов лишь двучленной семантикой, говорящей о знаках и о том, что ими отображается»¹⁴. Но предпосылки перехода к двучленной семантике содержались, как мы видели, уже в работах Фреге.

Сама идея рассматривать все языковые выражения как имена каких-то объектов уже ориентировала на то, чтобы считать отношение именования или обозначения важнейшим семантическим отношением. Понятие смысла оказывается при этом несущественным, второстепенным, поэтому оно и не получило практически никакого освещения и осталось совершенно неясным. В конце концов, при переходе к двучленной семантике от него попросту избавились. И тогда язык предстал как система знаков, как-то прикрепленных к предметам. Но можно ли все функции языка, языковых выражений свести только к одной – функции обозначения?

С этим связана еще одна особенность семантики Фреге и ее последующих модификаций: понятие обозначаемого, предмета, объекта истолковывается в высшей степени абстрактно. Не важно, что собой представляет этот объект – физический предмет, идеальный объект, множество, – главное, что от него требуется – существование в качестве предмета нашей мысли. Он должен *как-то* существовать, а что он собой представляет – остается за пределами анализа. Если нас интересует только отношение обозначения и смысл выражений кажется ненужным, то от объектов требуется только существование, и нам нет нужды вникать в то, что они собой представляют.

Наконец, даже само понятие существования также остается в высшей степени неясным: существовать в качестве физического объекта? Или чувственно воспринимаемого объекта? Или в качестве идеального объекта? Короче говоря, логическая семантика в своем развитии оставила в стороне многие вопросы, которые для эпистемологии как раз и являются самыми интересными.

2. Понятие смысла в повседневном языке

Несмотря на то, что Г.Кюнг в своей книге всячески подчеркивает большое значение логики и логического анализа для философских исследований, нетрудно заметить, что развитие логической семантики, столь тщательно проанализированное им, вдохновлялось совершенно абсурдной с точки зрения философии идеей, а именно, мыслью о том, что структура языка воспроизводит структуру реальности, что можно непосредственно сопоставлять язык, языковые выражения со структурой и объектами реального мира.

Эта наивная мысль отчетливо была представлена в «Трактате» Л.Витгенштейна. В мире, – говорит он, – существуют объекты, имеющие имена. «Конфигурация объектов образует атомарный факт»¹⁵. Мы создаем для себя образы атомарных фактов, причем элементы образа сочетаются так же, как объекты в структуре факта (2.1; 2.131). «То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи» (2.15). «Конфигурации простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурация объектов

в положении вещей» (3.21). Расположение знаков в предложении отображает расположение предметов в положении дел. Таким образом, предикатные знаки оказываются не нужными. Если у Фреге только подлинные собственные имена были лишены смысла, то Витгенштейн, избавляясь от предикатных знаков, лишает свой язык осмысленных функциональных выражений. Смысл сохраняется только за предложением, однако этот смысл сводится лишь к изображению некоторого положения дел. В свое время все это звучало весьма интригующе, однако если бы в тот период кто-то обратил внимание на многообразие национальных естественных языков, то ему сразу же стало бы очевидно, что структуры естественных языков разных народов настолько разнообразны, что объявлять какую-то группу языков зеркальным отображением реальности слишком самонадеянно. Витгенштейн мог бы на это возразить, что имеет в виду совершенный логический язык. Однако после появления самых различных неклассических логик – интуиционистских, многозначных, паранепротиворечивых и т. д. – стало ясно, что и классическая логика – это вовсе не логика реальности.

Когда логическая семантика занимается анализом языковых выражений, то, как мы видели, главным для нее является отношение обозначения – отношение между языковым выражением и обозначаемым им предметом. Но как устанавливается это отношение? Допустим, у нас есть две точки, обозначенные именами А и В. Как узнать, какое имя какой точке соответствует? Для этого нужно придать нашим именам смысл – «конкретный способ задания обозначаемого», как говорил Фреге. Пусть А – точка пересечения прямых *a* и *b*, а В – точка пересечения прямых *c* и *d*. Вот теперь, когда под А мы имеем в виду «точку пересечения *a* и *b*», мы знаем, какую точку из двух она обозначает. Конечно, имена предметам можно присваивать остенсивно – путем указания на предмет и произнесения при этом имени, но ведь таким образом можно дать имена лишь очень небольшому кругу предметов. Поэтому *любое обозначающее выражение должно иметь смысл* – смысл, говорящий нам о том, какие предметы обозначаются данным выражением. По-видимому, в естественном языке каждое значащее выражение является осмысленным. Здесь отношение обозначения отходит на задний план, а понятие смысла оказывается наиболее существенным.

Наш известный лингвист Ю.С.Степанов, рассматривая понятие смысла в естественном языке, истолковывает смысл как некий концепт. Поясняя свое понимание концепта, он пишет: «Возьмем, например, представления рядового человека, не юриста, о “законном” и “противозаконном”, – они концентрируются прежде всего в концепте “закон”. И этот концепт существует в сознании (в ментальном мире) такого человека, конечно, не в виде четких понятий о “разделении властей”, об исторической эволюции понятия закона и т. п. Тот “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово *закон*, и есть концепт “закон”. В отличие от понятий в собственном смысле термина (таких, скажем, как “постановление”, “юридический акт”, “текст закона” и т. п.), концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека»¹⁶. Это, конечно, не вполне ясно, однако можно понять, что концепт – это некий сплав всех тех мыслей, представлений, переживаний, которые связывает человек с законом. Этот сплав даже не имеет языкового выражения, ибо слово «закон» – это понятие, имеющее определенный объем (совокупность законов) и определенное содержание. Содержание понятий не включает в себя представлений, ассоциаций, переживаний, оно не «переживается». В отличие от понятия, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека»¹⁷. Концепт существует как воплощение культуры, он не может быть выражен словом, и если все-таки мы вынуждены представлять концепты словами, то слова не передают всего их содержания.

Концепт, с точки зрения Степанова, имеет сложную структуру. Возьмем, например, праздники 23 февраля и 8 марта как праздники мужчин и женщин. Для подавляющего большинства людей это просто выходные дни, когда принято поздравлять мужчин и женщин. Некоторые люди (обычно старшего поколения) помнят, что 23 февраля – это День Советской Армии, а 8 марта – Международный женский день. И уж совсем немногие помнят о том, что 23 февраля 1918 г. только что организованная Красная Армия одержала свою первую скромную победу, а 8 марта было принято в качестве Международного праздника трудящихся женщин по предложению

Клары Цеткин. В данном случае концепт имеет три слоя: основной, актуальный признак (нерабочий день); «исторические» признаки; словесное выражение. Это показывает также, что в сознании тех или иных людей концепт практически никогда не представлен в его полном содержании: «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры»¹⁸.

Но это скорее культурологическое понимание концептов: концепт – воплощение, сгусток культуры. При таком понимании концепты кажутся чем-то расплывчатым, почти неуловимым, с ними трудно работать. Однако, обращаясь от культуры к языку, Степанов приходит к мысли о том, что концепты – это смыслы понятий (слов, терминов): «Говоря проще – значение слова это тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо, а *концепт* это смысл слова.

Приведем пример. В русском языке слово *петух* имеет «значение» и «смысл». Его «значение» – это все птицы определенного внешнего вида (которому соответствует их зоологическая характеристика): ходячая (не летающая) птица, самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах. Значение иначе называется «денотатом». «Смыслом» же слова *петух* будет нечто иное (хотя, разумеется, находящееся в соответствии со «значением»): а) домашняя птица, б) самец кур, в) птица, поющая определенным образом и своим пением отмечающая время суток, г) птица, названная по своему особенному пению: *петух* от глагола *петь..*; вещая птица, с которой связано много поверий и обрядов»¹⁹. Итак, говорит нам лингвист и культуролог, слова естественного языка имеют смысл и значение. Смыслы некоторых слов – наиболее существенные для данной культуры, в наибольшей мере воплощающие характерные особенности этой культуры, Степанов называет концептами.

Для того чтобы придать несколько большую точность этим рассуждениям о «сгустках культуры», мы можем попытаться соединить их с идеями логической семантики. Если под «значением» слова мы будем иметь в виду обозначаемый предмет или класс предметов, а под «смыслом» – все то, что позволяет нам выделить этот предмет или класс из множества других предметов, то, обращаясь к примеру Степанова, мы можем сказать, что значением слова «петух» будет множество предметов, к которым мы относим

это слово, а его смыслом – все те черты петухов, которые перечисляет Степанов: птица, ходячая птица, самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах, домашняя птица, самец кур и т. д. Именно эти черты позволяют нам отличать петухов от всех других птиц и более или менее точно задавать класс соответствующих предметов, в чем и состоит, согласно Фреге, функция смысла.

В примере Степанова имеется некоторая неясность: почему-то зоологические характеристики петуха он относит к значению слова «петух», а его культурологические характеристики – к смыслу. С нашей точки зрения все перечисленные им характеристики принадлежат смыслу, причем зоологические характеристики являются важнейшими для смысла, ибо они воплощают в себе *знание* о петухах. *Смысл слова не только содержит указание на обозначаемые этим словом объекты, он еще включает в себя наши знания об этих объектах.* Указание и состоит в сообщении о некоторых чертах, особенностях, свойствах тех объектов, к которым относится указание. Следовательно, указание опирается на знание этих свойств и особенностей.

Собственно, это основной тезис данной статьи. Его можно проиллюстрировать сравнением двух словарей – толкового и энциклопедического. Возьмем какое-нибудь слово, скажем, слово «озеро». Толковый словарь русского языка скажет нам о том, как употребляется это слово, к какому грамматическому роду относится, как образуется множественное число, какие модификации оно имеет: озерко, озерцо. Но это все, так сказать, синтаксическая (грамматическая) характеристика слова. Словарь говорит также о том, какие объекты обозначаются данным словом. Для этого он выделяет одну из характеристик смысла, позволяющую указать на объект: «Замкнутый в берегах большой естественный водоем»²⁰. Здесь все по Фреге: значением слова «озеро» будет множество объектов, а его смыслом – та характеристика (функция Фреге), руководствуясь которой мы выделяем это множество. Но энциклопедический словарь добавляет к этой единственной смысловой характеристике те знания, которые у нас есть об озерах: «ОЗЕРА, природные водоемы в углублениях суши (котловинах), заполненных в пределах озерной чаши (озерного ложа) разнородными водными массами и не имеющие одностороннего уклона. Котловины О. по происхождению делятся на тектонические, ледниковые, речные (стари-

цы), приморские (лагуны и лиманы)...»²¹. Вот тот смысл, который слово «озеро» имеет в современной культуре, и мы видим, что он аккумулирует в себе знания об озерах.

Логическая семантика, как мы видели, уделяла внимание, главным образом, обозначающей функции языка, ее интересовало отношение между языковыми выражениями и обозначаемыми ими объектами. Смысл затрагивался ею лишь постольку, поскольку он был необходим для указания на обозначаемые объекты. Но ведь язык служит не только для обозначения, быть может, еще более важно то, что он используется для накопления, сохранения и передачи знаний. И вот эту функцию хранения, трансляции и использования знаний логическая семантика, кажется, совершенно не заметила.

3. Формирование смысла. Определение понятия смысла

Из того пучка представлений, ассоциаций, переживаний и т. п., который Ю.С.Степанов называет концептом, мы можем выделить ту его часть, которая воплощает в себе знания о тех объектах, к которым мы относим концепт. Концепт, таким образом, можно разложить на две части: знание и культурные ассоциации. Скажем, знание о золоте как о металле будет приблизительно одинаковым для разных культур, но в концепт «золото» их представители могут вкладывать разные ассоциации и переживания: символ богатства, власти, «золотой телец», средство обмена и т. п. В дальнейшем под «смыслом» выражения мы будем понимать только воплощенное в нем знание об объектах, обозначаемых данным выражением.

Как формируется, как образуется смысл наших слов и терминов? Ответ очевиден: так, как вообще возникает всякое знание. Мы получаем знание об объектах либо в процессе практической деятельности с ними, либо в результате научного исследования. Философия науки говорит о том, что знание воплощено в обоснованных предложениях, констатирующих факты или выражающих законы, и в системах таких предложениях – в теориях. Однако совершенно очевидно, что знание представлено также и в терминах науки – в понятиях, скажем, электрического заряда, теплопроводности, химического элемента, биологического вида, в единицах измерений и т. п. Удивительно, но философия науки, кажется, почти не

обратила внимания на это обстоятельство, обсуждая, в основном, предложения и системы предложений. Можно сделать шаг дальше и сказать: то, что выражается в истинных предложениях, в дальнейшем концентрируется, «оседает» в смысле научных терминов.

Возьмем, например, слово «треугольник». Первоначально его смысл исчерпывался лишь одной характеристикой, позволяющей нам выделять треугольники из всей совокупности геометрических фигур: треугольник это плоская геометрическая фигура, ограниченная тремя сторонами. Здесь, действительно, функция смысла сводилась только к указанию всего лишь с помощью одной черты на обозначаемые этим словом объекты. Но вот однажды кто-то доказал теорему о том, что сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым. Смысл слова «треугольник» стал включать в себя это свойство треугольников. Затем постепенно стало обнаруживаться, что в треугольнике против большего угла лежит большая сторона, что биссектрисы треугольника пересекаются в одной точке, что медианы также пересекаются в одной точке и т. д. Все эти постепенно открываемые свойства треугольников конденсируются в смысле слова «треугольник». И теперь, когда мы к какому-то предмету относим слово «треугольник», то не просто обозначаем этот предмет неким именем, а приписываем ему все те свойства, которые заключены в смысле данного слова. Имея дело с расчетами или схемами, в которых присутствуют треугольники, мы все время помним об этих свойствах. Назвать предмет «треугольником» значит не просто дать ему имя, а сказать, что мы уже очень много *знаем* об этом предмете.

Рассматривая семантику Фреге, мы отметили некоторую неясность: зависит смысл слова от обозначаемого предмета или нет? Теперь мы можем сказать, что между смыслом слова и предметом существует взаимная зависимость. Первоначально мы посредством указания или какой-то внешней особенности выделяем некоторый предмет и даем ему имя. Затем в процессе изучения этого предмета или в результате его практического использования мы открываем какие-то его свойства. Эти свойства включаются в смысл первоначального имени, и теперь, называя этим именем какие-то объекты, мы гораздо точнее выделяем класс этих объектов и уже что-то о них знаем. Теперь мы можем включать эти объекты в новые виды деятельности или в новые исследовательские

процедуры, опираясь на имеющееся о них знание. Таким образом, исследование объекта обогащает смысл его обозначения, а обогащенный смысл позволяет нам идти дальше в познании его новых сторон и свойств.

Допустим, например, что перед нами россыпь драгоценных, полудрагоценных и вовсе не драгоценных камней. Мы замечаем среди них яркие камешки и называем их «алмазами». Первоначально это слово выступает просто как ярлык, как бессодержательная метка, которой мы отмечаем какой-то сорт камней. Единственная особенность, на которую мы ориентируемся, выделяя алмазы из лежащей перед нами россыпи, – это некий особенно яркий блеск. Вот эта способность ярко блестеть и является тем смыслом, который мы придаем слову «алмаз» и которая – приблизительно и неясно – позволяет нам задать «денотат» этого слова. Затем мы узнаем, что по твердости алмаз превосходит все другие минералы. Эта его особенность включается в смысл слова «алмаз». Называя какой-то минерал «алмазом», мы уже имеем в виду не просто, что это блестящий камешек, но что это самый твердый из всех камешков, лежащих перед нами. В дальнейшем, изучая алмазы и другие минералы, мы узнаем, что это кристаллическая модификация углерода, что это полупроводник электричества, что алмазы находят в кимберлитовых трубках, их можно использовать в качестве абразивного материала и т. д. Все это знание концентрируется в смысле слова «алмаз».

Приблизительно так же обстоит дело в науке. Скажем, М.Планк в 1900 г., рассматривая излучение абсолютно черного тела, вводит термин (величину) «квант действия» с целью получения формулы распределения энергии в спектре теплового излучения. Первоначально разделение энергии на дискретные элементы служило лишь своеобразным приемом расчета. Понятие «квант действия» не имело еще никакого физического содержания, поэтому физики не обратили особого внимания на это новое понятие. Затем в ходе исследований фотоэлектрического эффекта А.Эйнштейн в 1905 г. вводит понятие «квантов света» и связывает это понятие с формулой излучения Планка. Но еще и на первом Сольвеевском конгрессе (1911 г.), посвященном «Теории излучения и квантам», физический смысл постоянной Планка остался совершенно неясным. И лишь последующее развитие квантовой

механики постепенно наполнило понятие «кванта энергии» богатым и глубоким смыслом²². Считается, что понятие химического элемента ввел Роберт Бойль в 1661 г. Действительно, он дал определение этого понятия: «я теперь подразумеваю под элементами... некоторые первоначальные и простые или совершенно несмешанные тела, которые, не будучи образованы из каких-либо других тел или друг из друга, являются ингредиентами, из которых непосредственно составляются все так называемые совершенно смешанные тела и на которые эти тела в конечном счете распадаются»²³. Однако сам он в существование химических элементов не верил и полагал, что все тела состоят из однородных атомов. Это определение он ввел с целью критики химических представлений своего времени. Однако с дальнейшим развитием химии было доказано существование химических элементов и это понятие приобрело богатый смысл.

Философия науки совершенно справедливо указывала на то, что знание выражается в обоснованных истинных предложениях. Сначала мы фиксируем некоторый факт или устанавливаем некоторый закон: «Страусы не летают», «Свет оказывает давление на освещаемые тела», «Все планеты движутся по эллипсу вокруг Солнца», «Атомный вес железа равен 56», «Сила взаимодействия двух неподвижных точечных зарядов пропорциональна их величине и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними» (закон Кулона) и т. д. Различие между фактами и законами весьма неопределенно, поэтому мы можем говорить просто о предложениях, фиксирующих некоторую устойчивую неизменную связь. Именно эти предложения выражают знание²⁴. Но после того как знание получено и признано, оно включается в смысл слов, входящих в предложение: когда я произношу слово «страус», я подразумеваю именно нелетающую птицу; когда я произношу слово «планета», я подразумеваю именно тело, движущееся по эллипсу вокруг Солнца, и т. п.

С этой точки зрения смысл слова можно определить как совокупность всех истинных законоподобных предложений, в которые оно входит. Скажем, в смысл слова «снег» входит все то, что мы знаем о снеге и что выражается в истинных законоподобных предложениях, в которые входит это слово: снег бел, снег – это кристаллизованная вода, снег тает при температуре выше 0 градусов и т. п.

Вспомним теперь о том, что Фреге разлагает простые предложения на аргумент и функцию, причем функция представлена предикатным выражением, содержащим пустое место: «зеленый (x)», «лошадь (x)». При подстановке на пустое место имени некоторого объекта функция превращается в истинное или ложное предложение. Если мы отталкиваемся от совокупности истинных предложений, в которые входит некоторое имя, то можем сказать, что *смысл имени представлен множеством функций, которые превращаются в истинные предложения при подстановке этого имени на место аргумента*.

Фреге говорит об именах и функциях и полагает, что имя не может стоять на месте предиката, т. е. не может стать функцией: «Собственные имена нельзя употреблять как настоящие предикаты»²⁵, пишет он. Оставим пока в стороне подлинные собственные имена. Все остальные слова могут стоять как на месте субъекта, так и занимать место предиката. Возьмем какие-нибудь обычные слова нашего языка, скажем, «огурец» и «волк». Мы можем высказать некоторые истинные предложения, в которых эти слова стоят на месте субъекта, т. е. являются именами, подставляемыми на аргументные места функциональных выражений: «Огурец имеет продолговатую форму», «Огурец зеленый», «Огурцы засаливают на зиму» и т. п.; «Волки живут в лесу», «Волки – хищные животные», «Что волки жадны, всякий знает» и т. п. Здесь эти истинные предложения что-то добавляют к смыслам слов «огурец» и «волк», какие-то новые свойства обозначаемых этими словами предметов. Если бы у нас действительно были четко разделены имена и функции, то истинные предложения добавляли бы что-то новое только к смыслу имен, т. е. аргументных выражений. Но в повседневном языке этой четкой разницы нет, он допускает операцию обращения традиционной логики, при которой субъект занимает место предиката, а предикат ставится на место субъекта: «Некоторые продолговатые предметы являются огурцами», «Некоторые хищные животные являются волками». Эти предложения уже нечто сообщают нам о продолговатых предметах и о хищных животных, т. е. добавляют что-то к смыслу обозначающих их выражений. Учитывая возможность обращения, мы можем сказать, что истинное предложение обогащает смысл не только субъекта, но и предиката, т. е. всех входящих в него слов.

Здесь выявляется одно интересное обстоятельство, которое выразил Фреге своим различием имен и функций. Когда слово стоит на месте субъекта или выступает в качестве аргумента, то на первый план выступает его функция обозначения, оно рассматривается нами, в первую очередь, как имя какого-то объекта или класса объектов. «Волки – хищники», – здесь слово «волки» используется как имя какого-то класса объектов, которому предикат приписывает свойство «быть хищниками». Конечно, слово «волки» и при этом сохраняет свой смысл, но в субъекте нам важен не смысл, а обозначаемый объект. В предикате же на первое место выходит именно смысл – то свойство, которое мы приписываем субъекту, а его обозначающая функция отходит на задний план. Но вот мы произвели обращение: «Некоторые хищники – волки». Здесь уже слово «хищники» выступает в качестве имени какого-то класса предметов, а слово «волки», напротив, выражает набор свойств, присущих волкам. Таким образом, *фрегевское различие между именами и функциями можно истолковать как различие между функциями субъекта и предиката в предложении: субъект выступает прежде всего как обозначающее выражение, как имя, а предикат – как функциональное выражение, выражающее свой смысл.*

Фреге полагал, что подлинное имя собственное, т. е. имя единичного объекта типа «Луна», «Цезарь», «Венера» (планета), никогда не может стоять на месте предиката, т. е. это только аргументы, но не функции. Именно на этом основании он проводил различие между аргументами и функциями: функция – это то, что стоит на месте предиката; аргумент – то, что стоит на месте субъекта и предикатороваться не может. Отсюда вытекало, что подлинные имена собственные лишены смысла: произнося слово «Луна», я просто некоторый набор звуков соотношу с определенным небесным телом. Как мне представляется, здесь семантическая теория уже очень далеко расходится с реальным функционированием повседневного языка.

О том, что имена собственные обладают смыслом, свидетельствует хотя бы тот факт, что они легко превращаются в имена нарицательные, т. е. в обозначения классов предметов или явлений. Огромное число единиц измерения в физике – это имена великих физиков: сила измеряется в ньютонах, работа – в джоулях, электрический заряд – в кулонах, напряженность электрического поля – в

вольтах и т. д. «Мы все глядим в наполеоны, двуногих тварей миллионы для нас орудие одно», – говорит поэт, превращая собственное имя «Наполеон» в предикат. Можно сказать о каком-нибудь честолюбивом человеке, что он метит в цезари, и мы поймем, что этот человек стремится к единоличной верховной власти, ибо этот смысл мы связываем с именем «Цезарь». Когда начальник говорит своим подчиненным: «Ну, устрою я вам Варфоломеевскую ночь!», то разве слова «Варфоломеевская ночь» обозначают здесь августовскую ночь 1572 г., когда в Париже началась массовая резня гугенотов? Добрый доктор Ж.Гильотен, дабы уменьшить страдания приговоренных к казни людей, изобрел орудие для быстрого и почти безболезненного отделения головы от тела. Его имя тут же превратилось в название страшного орудия – «гильотина». Имя сердобольного священника Т.Мальтуса легко превратилось в название одиозной концепции – «мальтузианство». Мы до сих пор говорим: «Сталинградская битва» или «блокада Ленинграда», и прекрасно понимаем, о чем идет речь. Но попробуйте сказать: «Волгоградская битва» или «блокада Санкт-Петербурга», и вас никто не поймет, ибо имена собственные «Сталинград» и «Ленинград» – это не просто обозначения каких-то городов, а носители богатого исторического смысла.

Да, конечно, когда мы встречаем новый объект или рождается новый человек, мы даем ему имя, которое на первых порах несет лишь функцию обозначения и действительно не имеет почти никакого смысла. Например, родился в 1769 г. в семье небогатого корсиканского дворянина Карло Буонапарте второй ребенок, мальчик, которого назвали Наполеоне, – просто чтобы отличать его от сестер и братьев. Но по мере того как этот мальчик рос, его имя наполнялось смыслом: офицер, капитан, командующий артиллерией при осаде Тулона, спаситель Директории от роялистского мятежа, главнокомандующий Итальянской армией, покоритель Египта, Первый консул Французской республики, император, великий полководец, законодатель (кодекс Наполеона), государственный деятель... Теперь, когда мы произносим имя «Наполеон», мы имеем в виду все черты личности, так мощно проявившиеся в его деяниях. Собственное имя всегда несет в своем смысле все наши знания о том предмете, к которому оно относится, а если речь идет о человеке – всю историю личности. Имена собственные не только обладают смыслом, смысл их часто намного богаче, чем смысл общих имен.

Примечания

- 1 *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 215.
- 2 Там же. С. 217.
- 3 Там же. С. 222.
- 4 Там же. С. 223. Интересно обратить внимание на то, что если истина и ложь есть некие предметы, то слово «Истина» следует писать с большой буквы – как собственное имя конкретного предмета. Истина у Фреге не является свойством предложений, не является предикатом и, вообще, характеристикой знания. Это не гносеологические и даже не семантическое, а скорее онтологическое понятие.
- 5 *Фреге Г.* Размышления о смысле и значении // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 231.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 234–235.
- 8 Там же. С. 250–251.
- 9 Там же. С. 233–234.
- 10 Там же. С. 233.
- 11 *Рассел Б.* Об обозначении // *Язык, истина, существование.* Томск, 2002. С. 7.
- 12 Там же. С. 17.
- 13 *Кюнз Г.* Онтология и логистический анализ языка. М., 1999. С. 73.
- 14 Там же. С. 40.
- 15 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2008. 2.0272.
- 16 *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 43.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 48.
- 19 Там же. С. 45.
- 20 *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1978. С. 408.
- 21 Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 916.
- 22 *Дорфман Я.Г.* Всемирная история физики с начала XIX до середины XX вв. М., 1979. Гл. 14.
- 23 Цит. по: Становление химии как науки. М., 1993. С. 51.
- 24 Серьезные проблемы, связанные с разграничением фактов и законов, а также с отличием законов от случайно истинных обобщений, мы здесь оставляем в стороне.
- 25 *Фреге Г.* Размышления о смысле и значении. С. 248.